

Премьера

✓ Моск. правда, 1978, 13 янв., № 11

Василий Шукшин — и опера?

На первый взгляд это может показаться неожиданным, но только на первый

Потому что — вспомним — музыка, песни постоянно звучат со страниц его книг, в фильмах, поставленных им по собственным сценариям, место музыки огромно. Музыкой часто поверял Шукшин самые важные и самые значительные чувства, поступки, стремления, свершения, а подчас и сомнения, поиски. Он и сам прекрасно пел и очень любил слушать, как поют другие.

Но, могут возразить, одно дело любить музыку, а совсем иное, чтобы вдруг оперным языком заговорили шукшинские персонажи. Ведь далеко не всякая, даже самая музыкальная проза логично, убедительно и без потерь ложится в сложный оперный жанр. Но есть и яркие примеры, поначалу казавшиеся рискованными затеями. Не говоря уже о прославленном «Носе» Дмитрия Шостаковича. И в этом же ряду удивительно точные гоголевские оперы Александра Холминова — «Коляска» и «Шинель».

Кстати, и «Нос», и «Ко-

ляска», и «Шинель» рождены на сцене молодого Московского камерного музыкального театра, и А. Холминов, по сути, ориентировался именно на этот талантливый коллектив, когда работал над операми по гоголевским сюжетам. А «Двенадцатая серия» (по мотивам рассказа В. Шукшина «А поутру они проснулись») создана им специально для этого театра.

Сразу же хотелось бы отметить, что в либретто, также написанном А. Холминовым, с редкостью бережностью переданы особенности шукшинского языка, диалога, интонации. За исключением пролога и эпилога, все действие развивается на шукшинской фразе, емко и точно уложенной в рамки музыкального речитатива, преломленного оркестровым решением. Здесь найден тот самый музыкальный эквивалент, который часто становится камнем преткновения для многих даже очень опытных композиторов. Текст неразрывно слился с музыкой. Само сценическое решение

— яркое, изобретательное, щедрое — позволяет говорить с полным основанием не просто об удачном эксперименте с прозой Шукшина в жанре камерной оперы, но о принципиальной удаче всего творческого коллектива.

Слово Шукшина звучит остро и озорно, иронично и горько, переливаясь в смех, наводя зрителя на размышления драматического, едва ли не трагедийного характера. Потому что речь идет об очень серьезном: о судьбе человека, о судьбах многих людей.

Спектакль прежде всего призывает мысли и чувства зрителей, их гражданственность к тому, чтобы не было среди нас равнодушных.

...Шумный город живет своей импульсивной, стремительной жизнью. Прохожие, влюбленные, старики, молодежь — каждый занят своими тревогами, у каждого свои интересы, заботы, проблемы — сцены города открывают и закрывают спектакль. Этот «поток жизни» передан с большой точностью, свеже-

стью, каким-то весенним чувством радости бытия. Тем более значителен контраст — встреча с Очкариком, Сухоньким, Нервным, Иваном-трактористом, электриком Пахомовым, Уркой и Мрачным — людьми, которые сами как бы вычеркивают себя из настоящей жизни. Вся семерка главных персонажей очень колоритна, за точно увиденными портретами — точно раскрываемые судьбы, характеры, нарисованные артистами беспощадно, но и не без боли за человека, который может окончательно сломаться. Отношение к «героям», если можно так назвать этих семерых, достаточно точно выявляется и самими исполнителями, и режиссерской трактовкой образов.

Спектакль взывает к нашей гражданской совести, рождая в зрительном зале тот главный гуманистический эффект, ради которого и создавались опера А. Холминова и постановка Б. Покровского.

Н. ЛАГИНА.